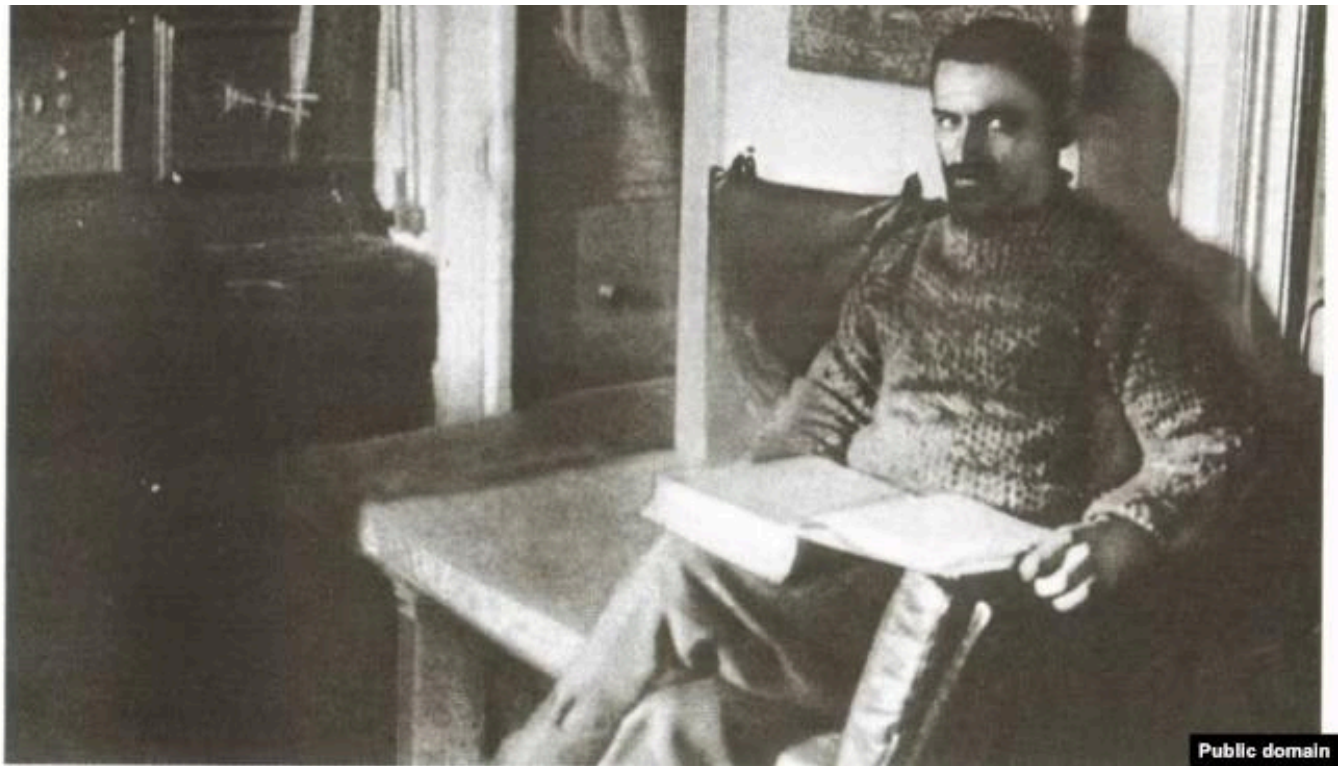
View the original article

ИСТОРИЯ.СИБИРЬ

"До сих пор не реабилитирован". Почему в России вновь вспомнили об адмирале Колчаке

Андрей Филимонов

06 ноября 2026

Александр Колчак в кают-компании шхуны "Заря"

В Омске 6 ноября открылась выставка "Колчак. История от первого лица", организованная Национальным центром исторической памяти при президенте России. Впервые широкой публике представлены документы из 19-томного дела адмирала Александра Колчака, рассекреченного ФСБ ещё в 2019 году. Один из главных акцентов экспозиции – роль иностранных держав в Гражданской войне. По утверждению организаторов, именно иностранное вмешательство привело к ожесточению конфликта и тяжёлым последствиям для России.

Среди экспонатов – протоколы допросов Колчака, свидетельства его современников и материалы рассмотрения вопроса о посмертной реабилитации адмирала. Особое внимание уделено его сотрудничеству с Великобританией и другими странами Антанты*.

"Применить расстрел"

В ночь на 7 февраля 1920 года в Иркутске были расстреляны бывший Верховный правитель России адмирал Александр Колчак и председатель его правительства Виктор Пепеляев. За три недели до этого, 17 января, ВЦИК и Совет народных комиссаров приняли постановление об отмене смертной казни. Расстрел состоялся по постановлению Иркутского военно-революционного комитета, однако решение не было исключительно инициативой местных большевиков.

Долгое время считалось, что приказ о расстреле Колчака отдал лично Владимир Ленин. В подтверждение этой версии историки ссылались на его недатированную записку заместителю председателя Реввоенсовета Эфраиму Склянскому. Однако в апреле 2026 года историк Андрей Ганин представил исследование, согласно которому записка была составлена уже после казни адмирала. Ленин предлагал представить расстрел как инициативу местных большевиков.

Шифром. Склянскому: Пошлите Смирнову (РВС 5 – Реввоенсовет Пятой армии. – СР) шифровку: Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Подпись тоже шифром.

Большевики расстреляли Колчака без суда, не дожидаясь завершения следствия. Протоколы допросов адмирала обрываются 6 февраля 1920 года – в это время к Иркутску подходили части каппелевской армии, сохранявшие верность уже не существовавшему "всероссийскому правительству" Колчака, и требовали его освобождения. Ранее из Реввоенсовета 5-й армии поступило распоряжение "применить расстрел... в случае невозможности удержать Колчака в своих руках". А 6 февраля председатель Сибревкома Иван Смирнов отдал прямой приказ о расстреле Колчака и Пепеляева. Каппелевцы тем временем готовились к штурму Иркутска. Ганин не исключает, что решение было предварительно согласовано с Москвой, но прямых документальных доказательств этого не обнаружено. Тела расстрелянных сбросили в прорубь реки Ушаковки, притока Ангары.

Трудно сказать, каким мог быть дальнейший ход Гражданской войны, если бы генералу Войцеховскому всё-таки удалось освободить иркутского пленника.

На нынешней выставке в Омске представлены материалы рассмотрения вопроса о посмертной реабилитации Колчака. В январе 1999 года военный суд Забайкальского военного округа отказал адмиралу в ней. В решении говорилось, что в 1918–1920 годах по распоряжению Колчака и с его ведома проводились

массовые репрессии против мирного населения, красноармейцев и их сторонников. Суд счёл расстрел адмирала обоснованным, несмотря на его заслуги перед Россией до революции. В апреле 2000 года Военная коллегия Верховного суда России оставила отказ в реабилитации в силе. В 2017 году Смольнинский районный суд Санкт-Петербурга также ссылался на этот отказ, рассматривая дело о демонтаже памятной доски Колчаку.

В марте 2019 года ФСБ рассекретила архивное дело адмирала, однако ограничила доступ к нему, сославшись именно на отсутствие реабилитации. Историки и правозащитники оспаривали правомерность такого ограничения. Теперь часть документов демонстрируют на государственной выставке, однако из опубликованных сообщений неясно, получили ли исследователи возможность ознакомиться с делом полностью.

"Именно интервенция обусловила ожесточенность гражданской войны, это однозначно", – заявила Елена Малышева, руководитель Национального центра исторической памяти, который проводит выставку. Среди экспонатов – ящик для боеприпасов, переданный британским правительством армии Колчака. В нём хранились патроны американского производства. По словам мэра Омска Сергея Шелеста, представленные документы свидетельствуют об активном сотрудничестве Колчака с иностранными державами, заинтересованными в продолжении Гражданской войны ради ослабления России.

СМОТРИ ТАКЖЕ
"Они до сих пор считают его врагом". Спустя сто лет после расстрела генерала Богословского ФСБ не открывает доступ к его делу

Удивительно, что спустя более века после расстрела Колчака многих граждан страны всё ещё корежит от упоминания его имени. Несколько лет назад в Петербурге и Омске черной краской были облиты памятные доски Колчаку. К столетию расстрела в соцсетях появились антиколчаковские посты, выдержанные в духе советской пропаганды столетней давности: марионетка Антанты, диктатор-палач, воевал против России, украл золото и т. д. и т. п.

В нулевых и десятых годах нашего века различные общественные организации обращались в российские суды (в том числе, в Смольнинский районный суд) с требованием "признать факт преступных действий Колчака". Хотя судить побежденных вроде бы неблагородно. Но "раненые на колчаковских фронтах" всегда поддерживали советскую традицию расправы с поверженными врагами. В

мае 1920 года в Омске состоялся суд над бывшими членами правительства Колчака. Четверых подсудимых приговорили к расстрелу, в том числе министра труда Леонида Шумиловского, который ввёл в Сибири восьмичасовой рабочий день и поддерживал профсоюзное движение. Остальные получили различные сроки.

Тех, кто уехал в эмиграцию, доставали уже после Второй мировой. Атаман Семенов был арестован в Манчжурии и повешен в Москве. Генерал Войцеховский арестован в Праге, приговорен к 10 годам заключения, умер в 1951 году где-то в Иркутской области, в местах боевой славы Каппелевской армии, героически, но безуспешно пытавшейся выполнить свою миссию – спасти Россию и её Верховного правителя.

Одним из ярких образов Октябрьской революции 1917 года стал холостой выстрел крейсера "Аврора". Матросы Балтийского флота были символом революции, а также вполне реальными боевыми частями новорожденной Красной армии, её элитным подразделением. Правда, сражаться им приходилось на суше, где происходили главные битвы Гражданской войны. Поначалу некоторые матросские части даже заказывали себе обмундирование красного цвета, чтобы эффектно выглядеть в момент атаки. Однако этот революционный фасон быстро вышел из моды: красные (в буквальном смысле) матросы оказались слишком хорошей мишенью для противника.

На втором году революции главной проблемой ленинского правительства стал Восточный фронт. Нарком военных дел Лев Троцкий очень неосмотрительно отдал приказ о разоружении сорокатысячного чешского корпуса, чьи эшелоны растянулись по всей стране от Самары до Владивостока. В ответ чехи восстали и за несколько недель свергли советскую власть на большей части территории России.

В Сибири сразу же вышла из подполья областная Дума, избранная в декабре 1917 года и месяц спустя разогнанная советской властью. Заседания Сибирской думы проходили в Томске, в помещении университетской библиотеки. Почти одновременно в Омске казачий полковник Иванов-Ринов объявил о том, что вся власть принадлежит ему и Временному сибирскому правительству, многие члены которого на тот момент находились во Владивостоке. Переговоры между ветвями новой власти продолжались всё лето, и на протяжении этого времени Сибирь была самым свободным и демократическим государством, неожиданно появившимся на обломках Российской империи. В сибирской армии, организацией которой занимался легендарный Гришин-Алмазов, ни солдаты, ни офицеры не носили погон. "Айда к нам! – говорили сибиряки красноармейцам. – Мы тоже беспогонные". В качестве государственного гимна по торжественным поводам исполнялась "Марсельеза". Старорежимный "Боже, царя храни" был запрещен к исполнению в общественных местах. На страницах сибирских газет (выходивших

без цензуры) встречаются новости о том, что в Ново-Николаевске и других городах Сибири власти закрывают рестораны, где оркестры играют царский гимн по заказу клиентов. Ностальгия по старым добрым временам уже одолевала обывателей, не знающих, какое правительство свалится им на голову завтра и что готовит день грядущий. А правительств на освобожденной от большевиков территории было много. Около двадцати, не считая всевозможных партизанских республик.

Эта административная пестрота сильно тревожила чехов, желающих выбраться из охваченной революционным хаосом России, и представителей Антанты, имеющих в России стратегический интерес. Первая мировая война продолжалась, и после заключения Брестского мира правительство Ленина фактически стало союзником кайзеровской Германии. Поэтому линию боевых действий между чешскими войсками и Красной армией в странах Антанты называли Восточным германским фронтом. Чтобы удержать и активизировать этот фронт, необходим был военный лидер, человек, которому доверяли бы, с одной стороны, участники белого движения, а с другой – правительства Англии и Франции, готовые спонсировать поход против большевиков. Именно таким человеком оказался Александр Колчак.

Представители западных правительств и разведок присматривались к адмиралу уже давно. В июне 1917 года Колчак стал героем газет, когда, отказавшись подчиниться постановлению матросского комитета о разоружении офицеров Черноморского флота, бросил свое наградное оружие с борта крейсера "Георгий Победоносец". Этот красивый жест, едва не стоивший ему жизни, произвел впечатление на современников. В считаные дни имя Колчака стало известно всей России. В продаже немедленно появились фотокарточки с его портретом. А сам он, после инцидента на "Победоносце", отбыл из Севастополя в Петроград, где встретился с Александром Керенским, изрядно ревновавшим к растущей популярности адмирала. Говорят, что именно Александр Федорович устроил Александру Васильевичу заграничную командировку в США. Таким образом искусный политик Керенский избавлялся от потенциального конкурента. В то время кастинг на должность диктатора России шел полным ходом, и кандидатуру Колчака открыто обсуждали наравне с Корниловым.

Впоследствии Колчак называл свою поездку в США "политической ссылкой" и жалел, что зря потратил время на переговоры с чиновниками американского министерства обороны. Впрочем, русским морякам было что вспомнить: их удостоил аудиенции в Белом доме президент Вудро Вильсон, который вел настолько уединенный образ жизни, что редко принимал даже своих министров, не говоря уже об иностранных делегациях. Из США Колчак отправился в Японию, где узнал об октябрьском перевороте. А вскоре подоспел и Брестский мир, после которого любая возможность компромисса с большевиками ("хулиганствующими

политиками", по его определению) была для Колчака исключена. Он пытался добиться поддержки японского правительства, однако не имел успеха. Японцы сочли адмирала слишком независимым и недостаточно дипломатичным, чтобы делать на него ставку. Несмотря на это разочарование, он полюбил Японию, особенно буддийскую философию, с которой познакомился в японских монастырях, и самурайские традиции, называющие оружие "частью души воина". В Токио Колчак приобрел у одного мастера старинный клинок, с которым не расставался до конца своей жизни. Уже будучи "правителем омским", он любил сидеть вечерами у камина и рассматривать отблески пламени на поверхности самурайского меча.

После того как американцы и японцы отпали в качестве возможных союзников, Колчак нашел общий язык с англичанами (он, кстати, свободно владел английским) и в сентябре 1918 года прибыл во Владивосток. До назначения его Верховным правителем России оставалось всего два месяца.

Омский переворот

Колчак не собирался задерживаться в Омске. Он планировал уехать на Юг, к генералам Деникину и Алексееву, считая последнего единственным настоящим вождем Белого движения. Вопреки утверждениям советской пропаганды, Колчак не имел намерения захватывать власть и раздавать куски России державам Антанты. Такое предложение в 1919 году отправил президенту Вильсону председатель совнаркома Ленин, когда сибирская армия прижала большевиков к Волге, а с Юга и Севера ударили Деникин с Юденичем. В этой архисложной ситуации вождь мирового пролетариата выразил готовность к разделу страны по линии фронтов. Но американский президент, к счастью для Владимира Ильича, оказался очень занят участием в Версальской мирной конференции и не заинтересовался ленинской идеей.

Во время допроса в Иркутске Колчак подробно рассказывал "следователям" о своих взглядах на возможный раздел России:

"Я считал, что эта интервенция, в сущности говоря, закончится оккупацией и захватом нашего Дальнего Востока в чужие руки. В Японии я убедился в этом.

Затем я не мог относиться сочувственно к этой интервенции в виду позорного отношения к нашим войскам и унизительного положения всех русских людей и властей, которые там были. Меня это оскорбляло. Я не мог относиться к этому доброжелательно. Затем самая цель и характер интервенции носила глубоко оскорбительный характер – это не было помощью России, – все это выставлялось как помощь чехам, их благополучному возвращению, и в связи с этим все получало глубоко оскорбительный и глубоко тяжелый характер для русских. Вся интервенция мне представлялась в форме установлений чужого влияния на Дальнем Востоке".

13 октября 1918 года Колчак прибыл в Омск в собственном вагоне и поселился "на Ветке". Так здесь называли запасные пути возле станции, где той осенью стояли эшелоны чехов, англичан, французов, а также членов Директории – омского правительства, которому вскоре предстояло исчезнуть в результате "ноябрьского переворота". На короткое время Ветка стала самым престижным районом Омска, поскольку в городе не имелось достаточно особняков и гостиниц для размещения такого количества vip-гостей.

На допросе Колчак рассказал, что генерал Болдырев (*один из членов Директории. – СР*) попросил его задержаться в городе. "Что же мне здесь делать: флота здесь нет?" – "Я думаю использовать вас для более широкой задачи", – ответил Болдырев. "Я сказал, что я – человек свободный, у меня есть телефон, данный мне во Владивостоке, и что если он позволит поставить его на ветке, я могу ждать дальнейших его указаний".

(Из протоколов допроса А. Колчака. Иркутск, февраль 1920 года)

Указания вскоре последовали. В начале ноября Колчаку был предложен пост военного и морского (что странно звучало в степном Омске) министра. Однако освоиться в новой должности ему не дали – через две недели группа офицеров, выходцев из Академии генерального штаба, арестовала трех из пяти членов Директории, после чего Совет министров проголосовал за назначение Александра Колчака военным диктатором и Верховным правителем России. Белый Омск бросил решительный вызов красной Москве. Колчак принял предложенную ему власть с ясным сознанием того, что отступать некуда (позднейшие события 1919 года это подтвердили), а остается только наступать.

И наступление грянуло. В декабре 1918-го армия под командованием 28-летнего Анатолия Пепеляева, "сибирского Наполеона", как восторженно назовут его журналисты, захватила Пермь, оружейные заводы и десятки тысяч военнопленных.

Анатолий Пепеляев

Девятнадцатый год начинался для белых победоносно. Зимние успехи продолжились головокружительным весенним "полетом к Волге", когда сразу несколько сибирских армий устремились в западном направлении, имея стратегический план прорвать большевистский фронт и соединиться в Москве. Читатели омских газет любили рассуждать о "пространственности военных театров" и радовались фронтовым сводкам. В ставке Колчака ждали английских танков, которые "вот-вот" обещал поставить Альфред Нокс, глава британской миссии на Востоке России.

СМОТРИ ТАКЖЕ
Похождения бравых солдат. Сто лет восстанию Чехословацкого корпуса

Танки в Сибирь, правда, так и не пришли – в оккупированный англичанами Архангельск было доставлено несколько машин, которые спасовали перед российским бездорожьем. И всё же многие части сибирской армии были вооружены и обмундированы благодаря усилиям этого джентльмена, прекрасно говорившего по-русски. Как и положено британцу, Нокс демонстрировал хладнокровие и чувство юмора даже в ситуации военных неудач. Однажды, узнав, что большая партия поставленного им обмундирования застряла на складах и попала к красным, он потребовал себе орден Красного знамени. Подобные анекдоты с удовольствием печатала омская пресса.

Жаль, конечно, что в столице белой Сибири не нашлось писателя с булгаковским талантом, который смог бы нарисовать картину лихорадочного оживления политической и культурной жизни города. Но, судя по воспоминаниям современников, в Омске происходило примерно то же, что и в Киеве:

"Город жил странною, неестественной жизнью, которая, очень возможно, уже не повторится в двадцатом столетии. За каменными стенами все квартиры были переполнены. Свои давнишние исконные жители жались и продолжали сжиматься дальше, волею-неволею впуская новых пришельцев, устремлявшихся на Город...

Бежали седоватые банкиры со своими женами, бежали талантливые дельцы... домовладельцы, покинувшие дома верным тайным приказчикам, промышленники, купцы, адвокаты, общественные деятели. Бежали журналисты, московские и петербургские, продажные, алчные, трусливые. Кокотки. Честные дамы из аристократических фамилий. Их нежные дочери, петербургские бледные развратницы с накрашенными карминовыми губами. Бежали секретари директоров департаментов, юные пассивные педерасты. Бежали князья и алтынники, поэты и ростовщики, жандармы и актрисы императорских театров. Вся эта масса, просачиваясь в щель, держала свой путь на Город".

Михаил Булгаков. "Белая гвардия"

"Дни Турбиных", постановка МХАТ

Одним из "просочившихся" в Омск летописцев короткой истории Верховного правителя России был барон Алексей Будберг, занявший летом 1919 года должность военного министра правительства Колчака. Его "Дневник белогвардейца", опубликованный после эмиграции автора, содержит много интересных наблюдений, в том числе его мысли о сходстве характеров и судеб Александра Колчака и Николая II.

"По внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он очень напоминает покойного императора. И обстановка кругом почти такая же: то же прятание правды, та же угодливость, те же честолюбивые и корыстолюбивые интересы кучки людей, овладевших доверием этого большого ребенка. Скверно то, что этот ребенок уже избалован и, несомненно, уже начинает отвыкать слушать неприятные вещи, в чем тоже сказывается привычка старого морского начальника, поставленного нашим морским уставом в какое-то полубожеское положение".

Справедливости ради, продолжает Будберг, стоит добавить, что Николай все-таки был аристократом и сибаритом, наслаждавшимся властью гораздо дольше, чем несчастный адмирал, который "отметил" первую годовщину своего правления, отступая на восток по Транссибирской железной дороге. К концу 1919 года, после начала эвакуации Омска, Транссиб намертво стоял в пробке, забитый поездами. Красные наступали стремительно, белая армия, рассыпавшись на отдельные отряды, утратила боеспособность, и только чешский легион оставался сплоченной силой. Чехи этим пользовались, когда им было нужно, они отнимали паровозы у

других эшелонов и продвигались вперед, чтобы поскорее достичь Владивостока и покинуть Россию. Для достижения своей цели они даже готовы были пожертвовать жизнью... Верховного правителя. Что и произошло на станции Иркутск, где чешский конвой передал Колчака эсеро-меньшевистскому Политцентру, власть которого вскоре перешла к большевистскому ВРК.

Вступление чехословацких войск в Иркутск, 1918 год.

"Чешский офицер объявил:

– Господин адмирал, приготовьте ваши вещи. Сейчас мы передаем вас местным властям!

Колчак, видимо, ещё ничего не знал. Он мгновенно вскочил и буквально закричал на чеха:

– Как! Неужели союзники выдают меня?! Это предательство! Где же гарантии Жанена?" ("Александр Колчак". ЖЗЛ. Павел Зырянов)

Морис Жанен, командующий войсками Антанты в России, вспоминая этот драматический эпизод своей карьеры, который принес ему неофициальный титул "Генерала без чести", с военной прямотой объясняет, что причиной выдачи Колчака большевикам был отказ адмирала передать французам золотой запас Российской империи, следовавший в отдельном эшелоне под охраной чешских солдат.

"*Мы психологически не можем принять на себя ответственность за безопасность следования Адмирала. После того, как я предлагал ему передать золото на мою личную ответственность и он отказал мне в доверии, я ничего уже не могу сделать". (Гинс Г. К. "Сибирь, союзники и Колчак")*

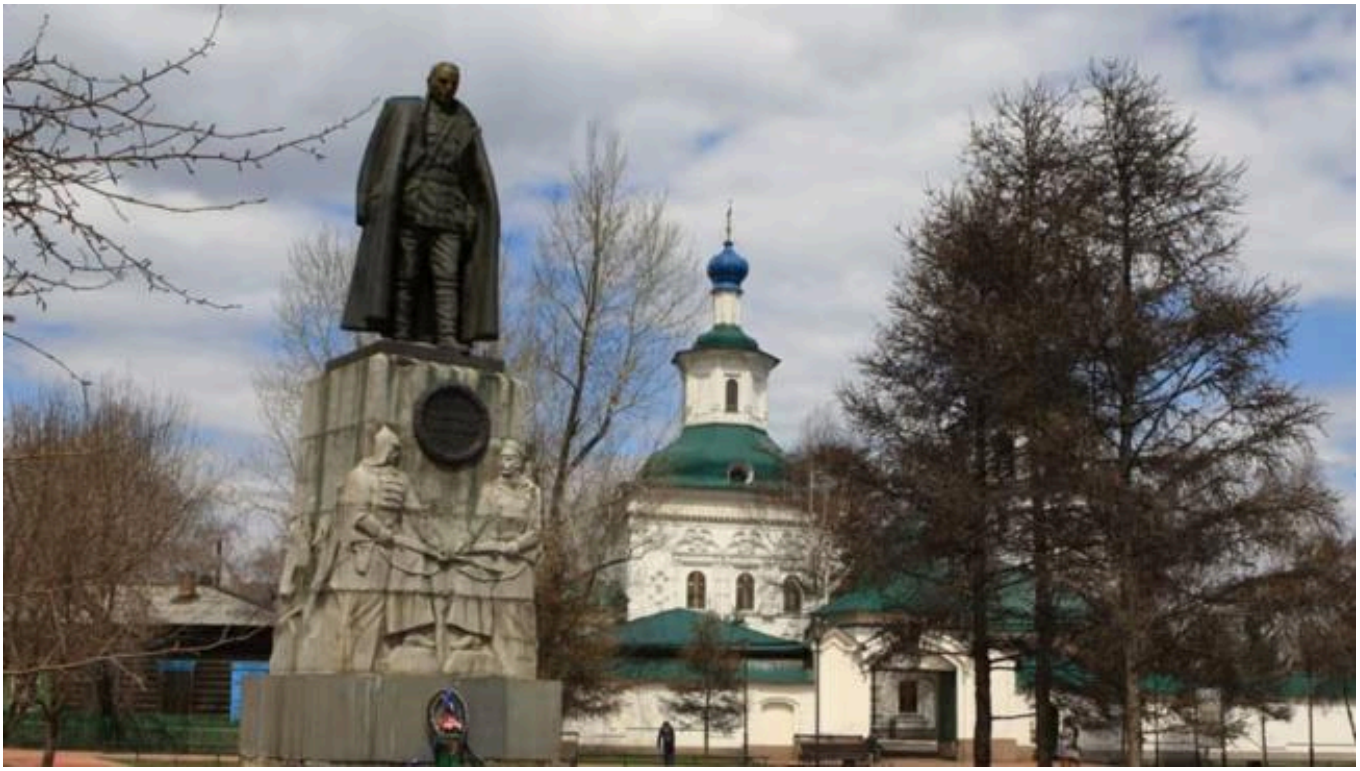
Так уж получилось, что Верховный правитель России жил скромно, по средствам. В 2019 году на парижском аукционе был продан архив Колчака, в том числе его переписка с женой Софьей Федоровной, которая в 1919 году жила в Париже с их сыном Ростиславом. В письмах, кроме слов нежности и заботы, содержится также супружеское обсуждение низменных материальных вопросов. Софья Федоровна просит Александра Васильевича прислать ей денег, на что Верховный правитель отвечает:

"Относительно денег я писал, что не могу высылать более 5000 франков в месяц, т. к. из-за поднятия курса нашего рубля 5000 франков составляет огромную сумму около 100 000 руб., а таких денег я не могу расходовать, особенно в иностранной валюте".

Ещё одним поводом для эпистолярных ссор между супругами были дошедшие до Парижа слухи о романе Колчака с поэтессой Анной Тимиревой. Этот роман начался в Японии, продолжился в Омске и закончился в иркутской тюрьме, куда Анна добровольно последовала за Александром, к удивлению "товарищей", которые не собирались её арестовывать.

В ответ на вопросы Софьи Федоровны адмирал пишет, что "почти" не имеет времени для личной жизни, а потом вдруг раздражается и заканчивает письмо решительным заявлением:

"Прошу не задевать моего положения, и не позволять себе писать письма, которые я не могу дочитать до конца, т. к. я уничтожаю всякое письмо после первой фразы, нарушающей приличие. Если ты позволяешь слушать сплетни про меня, то я не позволяю тебе их сообщать мне. Это предупреждение, надеюсь, будет последним".

Памятник Александру Колчаку. Иркутск

Законная супруга и гражданская жена адмирала прожили долгую жизнь. Софья Федоровна умерла во Франции в возрасте 80 лет. Анна Тимирева скончалась в Москве на восемьдесят втором году. Её сын Владимир, талантливый художник-иллюстратор, был обвинен в том, что является "пасынком Колчака", и расстрелян на Бутовском полигоне в 1938 году. До конца жизни Анна Тимирева хранила память о своем любовнике. К пятидесятой годовщине его расстрела она написала стихотворение:

Полвека не могу принять,

Ничем нельзя помочь,

И всё уходишь ты опять

В ту роковую ночь,

А я осуждена идти,

Пока не минет срок,

И перепутаны пути

Исхоженных дорог.

Но если я ещё жива,

Наперекор судьбе,

То только как любовь твоя

И память о тебе.

Анна Тимирева

Образ пишущей лирические стихи спутницы жизни Колчака как-то неожиданно спроецировался на самого Александра Васильевича. Начиная с 1970-х годов ему приписывали авторство романса "Гори, гори, моя звезда" и других пронзительных песен. В то время застоя и маразма белые офицеры стали романтическими героями дворового фольклора и официального искусства. Симпатичный Верещагин из "Белого солнца пустыни", поручик Голицын из городских романсов, пронзительные белогвардейцы в исполнении Кайдановского сформировали миф о России, которую мы потеряли, о стране, Верховным правителем которой когда-то был адмирал Колчак.

** Обновленный текст из архива Сибирь.Реалий*

Материалы по теме

"Я видел царское золото, оно лежит на дне Байкала", – утверждает историк из Бурятии

"В глухом лесу, где трав бледнеют лица". Сибирская гамсуниана

Похождения бравых солдат. Сто лет восстанию Чехословацкого корпуса

"Крепкий народ, покоривший целую Сибирь". О восстании белочехов